

„ЭНЕРГИЯ“

ОТДѢЛЪ РЕДАКЦІИ
АЛЕКСАНДРА АМФИТЕАТРОВА

СТИХИ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞
ГОЛОСА ЛЮБВИ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞
НЕВОЛЯ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞
МЕМЕНТО ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞
ARS ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞
ВРЕМЕНА И ПРАВЫ ☞ ☞ ☞ ☞ ☞
САТИРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ☞ ☞

СБОРНИКЪ

1914

ТРЕТІЙ.

КНИГОИЗДАВО~ТИПО~ЛИТОГР. „ЭНЕРГИЯ“
СПЕТЕРБУРГЪ~ЗАГОРОДНЬИ.П.~

Пропавшіе романы и пьесы Чехова.

I.

Воспоминанія родственниковъ говорятъ о томъ, что нѣсколько пьесъ Чехова, написанныхъ въ ранней юности, уничтожено авторомъ, порвано, затерялось. Среди этихъ пьесъ были пятяпактныя драмы и крошечные водевили.

Присяжные критики устраивали охоту за пропавшимъ романомъ Чехова. Въ 1887-мъ году Чеховъ въ дорогѣ, во время поѣздки къ нему на дачу въ Бабкино, подъ Нолый Иерусалимъ, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ рассказывалъ мнѣ сюжетъ романа, который онъ собирается писать. Немного позже онъ писалъ А. Н. Плещееву:

„Ахъ, если бы вы знали, что сидитъ въ моей башкѣ! Какія чудныя женщины, какія похороны, какія свадьбы. Если бы деньги, я удралъ бы въ Крымъ, съѣлъ бы подъ кипарисомъ и написалъ бы романъ въ одинъ-два мѣсяца. У меня уже готовы три листа,—можете себѣ представить!“

Слова о похоронахъ позволяютъ думать, что Чеховъ писалъ тотъ романъ, сюжетъ котораго онъ расска-

зываютъ мнѣ. Первая глава этого романа начиналась по Чеховски, очень оригинально.

„Представьте тихую желѣзнодорожную станцію въ степп,—разсказывалъ Чеховъ.—Недалеко отъ станціи имѣніе вдовы-генеральши. Ясный вечеръ. Къ платформѣ подходитъ поѣздъ съ двумя паровозами. Затѣмъ, постоявъ на станціи минутъ пять, поѣздъ уходитъ дальше съ однимъ паровозомъ, а другой паровозъ трогается и тихо-тихо подкатываетъ къ платформѣ одинъ товарный вагонъ. Вагонъ останавливается. Его открываютъ. Въ вагонѣ гробъ съ тѣломъ единственнаго сына вдовы-генеральши“.

Въ 1888 году Чеховъ продолжаетъ писать А. Н. Плещееву о романѣ:

„Романъ мой на точкѣ замерзанія. Онъ не сталъ длиннѣе. Чтобы не остаться безъ гроша, спѣшу писать всякую чепуху. Для „Сѣвернаго Вѣстника“ дамъ повѣстуху, но романъ едва ли попадетъ на его страницы. Я такъ ужъ и порѣшилъ, что романъ будетъ конченъ года черезъ три-четыре“.

„Романъ значительно подвинулся впередъ...“

„Писать большое очень скучно и гораздо труднѣе, чѣмъ писать мелочь. Вы прочтете и увидите, какую уйму трудностей пришлось пережить моему неопытному мозгу“.

„Въ истекшій сезонъ я написалъ „Степь“, „Огни“, пьесу, два водевиля, массу мелкихъ разсказовъ, началъ романъ“.

„Пишу понемножку свой романъ. Выйдетъ ли изъ него что-нибудь—я не знаю.“

„Лѣтомъ буду контѣть надъ романомъ. Свой романъ посвящу я вамъ,—это завѣщала мнѣ моя душа“.

Несомнѣнно, романъ былъ обдуманъ и Чеховъ писалъ какой-то романъ. И несомнѣнно, никакого романа Чехова въ печати не появлялось.

Куда же дѣвался онъ?

Вѣрнѣе всего, разбитый на отдѣльные эпизоды, онъ напечатанъ былъ Чеховымъ въ видѣ разсказовъ и небольшихъ новѣстей. Желаніе закончить романъ у Чехова могли охладить, съ одной стороны, кончина „Сѣвернаго Вѣстника“, съ другой—трудность пристраивать большія вещи. Въ началѣ 1890 г. Чеховъ пишетъ Суворину: „получилъ отъ Плещеева траурное письмо: „Сѣверный Вѣстникъ“ приказалъ долго жить. Старикъ лишился заработка и ругаетъ Евреиннову съ пыломъ молодого поэта. Но я то влопался! Во-первыхъ, за какимъ же чортомъ я обкрадывалъ себя, за какимъ дьяволомъ я „поддерживалъ“ изданіе, которое околѣло? И т. д.“

Съ возрожденіемъ „Сѣв. Вѣстника“, перешедшаго къ Л. Я. Гуревичъ, дѣла журнала не улучшились, и журналъ, по-старому, нуждался въ „поддержкѣ“. Понятка получить авансъ за отправленный издательницѣ разсказъ „Жена“ не увѣнчалась успѣхомъ. Въ декабрѣ Чеховъ пишетъ тому же Суворину: „Гуревичъ не дала аванса. Какова? Я не огорчился, конечно, но ея то положеніе! Нѣтъ денегъ у бѣдняжки, а въ типографію надо, за бумагу надо, авторамъ надо... Мнѣ за мой разсказъ приходится рублей 600. Написалъ ей, чтобъ не стѣснялась и выслала мнѣ гонораръ, когда ей угодно и удобно“.

Возможность пристроить романъ въ „Новое Время“ отнюдь не улыбалась Чехову. Уже сравнительно небольшая его повѣсть „Дуэль“, отданная въ „Новое Время“, возбудила среди сотрудниковъ газеты цѣлую бурю, обвиненіе въ „монопольи“, въ захватѣ Чеховымъ нововременскихъ страницъ и т. п., о чемъ, во время печатанія „Дуэли“, Чеховъ, не безъ горечи, пишетъ брату Алекоандру (письмо отъ 24 окт. 1891 г.): „печа-

такую меня по средамъ и вторникамъ или вовсе не печатаютъ—для меня рѣшительно все равно. Отдать и повѣсть, потому что былъ должепъ „Нов. Времени“, и если бы не послѣднее обстоятельство, то повѣсть моя печаталась бы въ толстомъ журналѣ, гдѣ она вошла бы цѣликомъ, гдѣ я больше бы получилъ и гдѣ не было бы жужжанья моихъ улажаемыхъ товарищей. Они видятъ монополию. Ну, стапъ на ихъ точку зрѣнія и скажи имъ, что я былъ великодушенъ и не печатался около двухъ лѣтъ, предоставляя 104 понедѣльника и 104 среды п Петерсону, и М., и каторжному Жителю ¹⁾. Попроси Суворина, чтобы онъ отдалъ среды—развѣ онѣ мнѣ нужны? Онѣ мнѣ такъ же ненужны, какъ и мое сотрудничество въ „Нов. Вр.“, которое не принесло мнѣ, какъ литератору, ничего кромѣ зла“.

Въ такихъ условіяхъ самымъ естественнымъ представлялось для Чехова распылить полунаписанный романъ по разнымъ изданіямъ. Кто знаетъ,—не представляетъ ли очень быстро написанная имъ „Дуэль“ (Ант. Павловичъ писалъ ее менѣ мѣсяца) одну изъ частей этого романа?

Вскорѣ послѣ смерти Чехова, въ литературныхъ кругахъ заговорили о другомъ пронавшемъ его романѣ, на этотъ разъ написанномъ, вполне законченномъ, но неизданномъ и исчезнувшимъ неизвестно куда.

Пищу для толковъ дала одна изъ московскихъ газетъ, въ которой подъ сенсационнымъ заголовкомъ „Неизданный романъ А. П. Чехова“ была напечатана такая замѣтка:

¹⁾ В. К. Петерсонъ, псевд. А—тъ. Житель: А. Н. Дьяковъ—Незлюбинъ М., вѣроятно, М—е: псевдонимъ понедѣльникаго фельетониста „Новаго Времени“, когда его фельетонъ выходитъ паъ области музыкальныхъ темъ.

Ред.

„Отъ А. П. Чехова еще при жизни ждали обширнаго романа, и въ критикѣ неоднократно указывалось, что А. П. Чеховъ только тогда можетъ создать себѣ въ нашей литературѣ прочное имя, когда дастъ большой романъ изъ современной жизни. Оказывается, такой романъ А. П. Чеховымъ былъ написанъ въ самомъ началѣ его литературной карьеры, но это произведение такъ и не увидѣло свѣта. Мы узнали объ этомъ неизданномъ романѣ А. П. Чехова отъ бывшаго редактора журналовъ „Эпоха“ и „Радуга“ Д. А. Мансфельда.

— Мнѣ помнится,—разсказывалъ Д. А. Мансфельдъ,— въ 1885 или 1886 году ко мнѣ въ редакцію, помещавшуюся тогда въ Столешниковомъ переулкѣ, въ домѣ Корзинкина, зашелъ худощавый молодой человекъ съ небольшой бородкой и въ пенсн. Онъ отрекомендовался Чеховымъ и предложилъ мнѣ просмотрѣть написанный имъ романъ, который принесъ съ собою ¹⁾. Это былъ громадный фоліантъ, толщиной почти въ полторы стопы бумаги. Взглянувъ на эту рукопись и даже не просматривая ея, я категорически отказалъ автору въ ея напечатаніи, потому что такой романъ долженъ былъ занять въ теченіе цѣлаго года большую половину каждаго номера журнала.

„Если это длинно, то я могу сократить“,—возразилъ мнѣ А. П. Чеховъ.

„Помилуйте, это какъ ни сокращай, хоть даже на половину, такъ и то растянешь на цѣлый годъ, а это положительно невозможно“.

Авторъ, повидимому, былъ смущенъ такимъ не-

¹⁾ Странно, что въ 1885—86 гг. Д. А. Мансфельдъ, человекъ вездѣсущій, театральныи завсегдатаи, поставщикъ Корша, могъ не знать, хотя бы только въ лицо, Антона Чехова, уже весьма замѣтную фигуру тогдашней литературной Москвы, совсѣмъ немногочисленной.

Ред.

дружелюбнымъ пріемомъ, и наша бесѣда по поводу романа велась крайне медленно. А. П. Чеховъ, между прочимъ, сообщилъ, что романъ этотъ написанъ подъ впечатлѣніемъ крупнаго процесса Вальяно, обвинявшагося въ торговлѣ контрабанднымъ товаромъ. Процессъ этотъ въ свое время на югѣ возбуждалъ безконечныя толки. Въ дѣлѣ былъ замѣшанъ не одинъ Вальяно, а цѣлый десятокъ торговцевъ и дамъ, способствовавшихъ проведению контрабанды. Гражданскій искъ по этому дѣлу былъ опредѣленъ въ нѣсколько милліоновъ, А. П. Чеховъ объяснилъ тогда же, что онъ готовъ продать свой романъ за какую угодно сумму, такъ какъ чрезвычайно нуждается въ деньгахъ, но мнѣ для моихъ журналовъ такой романъ рѣшительно не подходилъ по объему, и я даже уклонился отъ его прочтенія. Куда дѣвалась эта рукопись и была ли она кому-нибудь известна еще—я не знаю, и этотъ вопросъ въ настоящее время было бы чрезвычайно любопытно выяснить“.

Въ свое время я дѣлалъ попытку выяснитъ этотъ вопросъ; въ данное время постараюсь высказаться по-дробнѣе.

Для меня, познакомившагося съ Чеховымъ какъ разъ около этого времени, когда Чеховъ, будто-бы, являлся съ романою къ Д. А. Мансфельду, представляется несомнѣннымъ, что у Мансфельда былъ не Ант. П. Чеховъ, а кто-то другой. Въ Чеховѣ Д. А. Мансфельда нѣтъ ни одной черты Антона Чехова. Въ 1885 г. Чеховъ уже работалъ въ „Петербургской Газетѣ“, съ февраля 1886 г. начинаетъ печататься рядъ его „субботниковъ“ въ „Новомъ Времени“. Чего ради въ эти годы Чеховъ пойдетъ скитаться по „Радугамъ“ и предлагать свои романы „за какую угодно сумму“? ¹⁾ Если бы

¹⁾ Авторъ совершенно правъ. Эта „Радуга“ была, во истину, московскою притчей во языцѣхъ, а Антонъ Чеховъ совѣтъ не

у Чехова въ эти годы дѣйствительно встрѣтилась нужда въ деньгахъ, онъ скорѣе, чѣмъ въ „Радугѣ“ у Мансфельда, могъ ихъ достать въ „Новомъ Времени“, „Петерб. Газетѣ“, въ „Осколкахъ“ и даже въ „Будильникѣ“, у котораго къ 1886 году матеріальныя дѣла наладились и улучшились ¹⁾. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ онъ писалъ, во всѣхъ былъ желаннымъ гостемъ, работою котораго дорожили, зачѣмъ же онъ пошелъ бы къ Мансфельду, который его не зналъ, не цѣнилъ и о талантѣ Чехова, судя по курьезному испугу передъ толстою рукописью (это передъ рукописью Чехова-то, написавшаго къ тому времени, чего добраго, и „Панихиду“, и „Вѣдьму“, и „Агафью“!), не имѣлъ ни малѣйшаго понятія! ²⁾

Въ 1885 и 1886 годахъ уже не Чеховъ ходилъ по московскимъ редакціямъ, какъ, можетъ быть, было въ концѣ семидесятыхъ годовъ, при самомъ началѣ его писательской карьеры, а за Чеховымъ ходили. Помню, весной 1884 года мнѣ пришлось столкнуться въ редакціи „Развлеченія“ съ братомъ Антона Чехова—Александромъ, поставлявшимъ въ московскіе журналы юмористику и въ московскія газеты—разказы. По-кончивъ личныя дѣла, онъ важно обратился къ редактору „Развлеченія“ А. В. Насонову:

— Братъ извиняется, Александръ Викторовичъ! Онъ

такъ ужъ „бросался“ собою въ молодости, чтобы писать гдѣ попало. Онъ даже въ „Развлеченія“ врать ли работалъ, какъ и весь куревинскій кружокъ.

¹⁾ Болѣе того, Чеховъ въ это время началъ уже понемногу отставать отъ „Осколковъ“ и „Будильника“. Онъ получалъ въ эти годы 15 коп. за строчку: гонораръ, по тогдашнимъ условіямъ, „огромный“.

²⁾ Я считаю все это происшествіе вѣроятнымъ и никогда небывающимъ.

Ред.

Ред.

Ред.

очень занятъ—у него экзамены—и ничего не можетъ прислать. Послѣ экзаменовъ онъ дастъ что-нибудь.

— Пожалуйста! Напомните Антону Павловичу, чтобъ не забыть.

Какое ужъ тутъ хожденіе по редакціямъ! А. В. Насоновъ, человекъ грубый и толстый, навѣрно бы самъ пѣтушкомъ, пѣтушкомъ пробѣжался къ Антону Чехову, если бы тотъ пообѣщалъ ему лично вручить какой-нибудь рассказъ для журнала.

Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ братья Чеховы (главнымъ образомъ, Антонъ и художникъ—Николай) представляли собой извѣстную силу въ редакціяхъ московскихъ изданій. Почти исключительно при ихъ сотрудничествѣ, цинкографъ Давыдовъ года два или три¹⁾ вынуждалъ въ Москвѣ номера „Зрителя“. Николай Чеховъ—очень талантливый рисовальщикъ—одно время завѣдывалъ художественною частью популярнаго въ тѣ годы журнала „Свѣтъ и Тѣни“. Антонъ Чеховъ печаталъ десятки рассказовъ, сотни „мелочишекъ“ въ „Будильникѣ“ и тамъ же велъ безъ подписи злободневный фельетонъ „О томъ и о семъ“²⁾. Только нѣкоторая беззаботность относительно московской журналистики вообще и Антона Чехова въ частности позволила Д. А. Мансфельду выступить послѣ смерти Чехова съ совершенно вадорнымъ рассказомъ о посѣщеніи Чеховымъ редакціи „Радуги“.

Кто же, однако, былъ у Мансфельда съ „громаднымъ фоліантомъ, толщиною почти въ полторы стопы бумаги“? Вѣдь, не могъ же Д. А. Мансфельдъ высосать всю эту исторію изъ пальца, выдумать совсѣмъ изъ ничего?

¹⁾ Меньше.

Ред.

²⁾ Это не совсѣмъ такъ. Отдѣлъ былъ сборный. Участвовали: А. Д. Курепинъ, Ант. П. Чеховъ, Е. В. Пассекъ, А. В. Амфитеатровъ и др. Правда, Чеховъ писалъ больше всѣхъ.

Ред.

Лѣтъ пять назадъ я высказалъ предположеніе, что у Мансфельда съ „громаднымъ фоліантомъ“ былъ не Антонъ, а Александръ Чеховъ. Послѣдній опровергъ мое предположеніе, увѣряя, что у Мансфельда онъ не былъ и никакого романа ему не носилъ. Я не сталъ спорить, чтобы не задѣть самолюбія писателя, но и теперь, послѣ смерти Алекс. Чехова (онъ умеръ весной 1913 года), я продолжаю думать, что если кто-либо былъ у Мансфельда, то только онъ.

Во всѣхъ своихъ юношескихъ повѣстяхъ и романахъ—„Ненужная побѣда“, „Драма на охотѣ“ и т. п.—Антонъ Чеховъ прежде всего былъ художникомъ. Задачи его были безконечно далеки отъ задачъ различныхъ газетныхъ романистовъ, спѣшившихъ использовать въ романѣ каждый громкій скандалъ, каждый громкій процессъ. Можно ли представить себѣ Чехова, пишущимъ громадный романъ „подъ впечатлѣніемъ крупнаго процесса Вальяно, обвинявшагося въ торговлѣ контрабанднымъ товаромъ“? Конечно, всякій, хоть немного знавшій Чехова, скажетъ, что за подобнымъ романомъ представить себѣ Чехова нельзя¹⁾. Но Александръ Чеховъ какъ разъ служилъ въ Таганрогской таможенѣ вскорѣ послѣ знаменитыхъ хищеній и знаменитаго процесса²⁾, возбуждавшаго на югѣ безко-

¹⁾ Нельзя-то нельзя, но что-то такое было. Къ сожалѣнію, мои личныя воспоминанія въ этомъ пунктѣ путаются въ совершенную смутность, въ которой, однако, тема о Вальяно почему-то мелькаетъ. Но я совсѣмъ не увѣренъ, что слышалъ о ней отъ Антона Чехова,—легко могло быть, что именно отъ Александра. *Ред.*

²⁾ Въ 1884 году Чеховъ пишетъ Н. А. Лейкину объ Александрѣ: „Агафоподу Единицину я написалъ. Это мой братъ, нынѣ чиновникъ, работавшій въ послѣдніе годы въ московскихъ изданіяхъ. Работалъ сильно и въ свое время съ успѣхомъ: жилъ письмомъ. Былъ малый юмористомъ, ударился въ лиризмъ, въ фантазмагорію и, кажется... погибъ для авторства. Хочется удрать отъ лиризма,

печные толки. Александръ Чеховъ писалъ газетные романы, толщиною, можетъ-быть, не только въ полторы но и въ двѣ, въ три стоны бумаги. Въ одесскомъ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ у него печаталось нѣсколько романовъ („Перелетныя птицы“ и др.). Кончилъ онъ историческими романами въ „Русскомъ Читеніи“ или „Свѣтѣ“. Не обладая той „выдумкой“, въ отсутствіи которой Тургеневъ упрекалъ среднихъ русскихъ писателей, Александръ Чеховъ бралъ сюжеты своихъ рассказовъ и романовъ изъ жизни, изъ уголовныхъ процессовъ, вездѣ, гдѣ ихъ можно было взять. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ одномъ изъ своихъ юмористическихъ рассказовъ въ „Осколкахъ“ онъ вывелъ всю чеховскую семью: Антона, мать, отца, сестру, другихъ братьевъ. Процессъ Вальяно могъ показаться ему кладомъ, лежащимъ на дорогѣ, не взять который для романа было прямо грѣшно.

Наконецъ, какъ разъ въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ мнѣ приходилось встрѣчать его въ московскихъ редакціяхъ съ большимъ портфелемъ, набитымъ произведеніями, которыя онъ старался пристроить то тамъ, то здѣсь. Я видѣлъ его въ „Будильникѣ“, встрѣчалъ въ „Развлеченіи“. Работалъ онъ и въ „Московскомъ Листкѣ“, у Пастухова, который оплачивалъ его рукописи, но мало ихъ печаталъ.

Александръ Чеховъ въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Москвѣ нуждался въ деньгахъ и заработкѣ; а послѣдній давался ему туго. Одно время онъ при-

но поядно, уязвъ. Его письма полны юмора, ничего смѣхотворнѣй выдумать нельзя, но какъ станеть строчить для журнала—бѣда, ковылять начнеть. Вудъ онъ помоложе, изъ него можно было бы сдѣлать недюжиннаго работника. Юмористъ онъ не плохой. Это можно видѣть изъ одного того, что въ Тагарогскую Таможню поступилъ, когда ужъ оттуда все повыкрали“. *А. Груз.-Лаз.*

строился было довольно прочно въ „Развлеченіи“. Но, къ несчастію, „Развлеченіе“ редакціи А. В. Насонова доживало послѣдніе мѣсяцы, вскорѣ журналъ перешелъ въ другія руки, и Алекс. Чеховъ уѣхалъ изъ Москвы на службу, кажется, раньше опять на югъ и затѣмъ въ Петербургъ къ Суворину.

Для меня несомнѣнно, что „громадный фоліантъ, толщиною почти въ полторы стоны бумаги“, принадлежалъ ему.

Почему онъ отрекся отъ „фоліанта“?

Вѣроятно, потому, что въ описаніи Мансфельда авторъ романа игралъ довольно жалкую роль. И никого не обижая, не дѣлая никакихъ указаній, онъ счелъ за лучшее откеститься отъ этой роли¹⁾.

Кромѣ двухъ романовъ, одного, несомнѣнно, начатаго Антономъ Чеховымъ, и другого, приписаннаго ему Мансфельдомъ, у Чехова исчезло нѣсколько начатыхъ, а порою даже и написанныхъ пьесъ.

Объ исчезнувшихъ пьесахъ писали покойный Суворинъ и адравствующій братъ Чехова, Михаилъ.

Суворинъ сообщалъ, что Чеховъ начиналъ драму, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся царь Соломонъ.

Мих. П. Чеховъ рассказывалъ о нѣсколькихъ пьесахъ Чехова.

¹⁾ Не говоря уже о томъ, что Александръ Павловичъ могъ просто забыть все это происшествіе. — Какъ?—удивится кто-нибудь,—забыть о цѣломъ написанномъ романѣ?.. Да, какъ это ни странно, могъ. Психическій міръ Александра Чехова — любопытнѣйшая загадка. Этотъ человѣкъ весьма часто переживалъ какое-то раздвоеніе личности, когда воображаемое казалось ему дѣйствительнымъ, а въ дѣйствительности онъ бродилъ, какъ въ смутномъ снѣ. Въ воспоминаніяхъ его о братѣ много такого, чего никакъ не могло быть ни по времени, ни по мѣсту, и въ чемъ, однако, онъ, повидимому, былъ вполне добросовѣстно увѣренъ, ибо, въ противномъ случаѣ, не выносилъ бы такихъ легко оиро-

Во-первыхъ, на второй годъ послѣ прїѣзда въ Москву, Чеховъ написалъ большую драму съ конокрадами, стрѣльбой, женщиной, бросающейся подъ поѣздъ. „Я переписывалъ эту драму,—сообщаетъ М. П. Чеховъ,— и у меня отъ волненія холодѣло подъ сердцемъ. Какъ теперь понимаю, это было что-то очень громоздкое, но тогда казавшееся мнѣ, гимназисту, верхомъ совершенства. Драму эту А. П., тогда студентъ второго курса, лично отнесъ М. Н. Ермоловой на прочтеніе и очень желалъ, чтобы она поставила ее въ свой бенефисъ. Не знаю, что отвѣтила брату Ермолова, только мои старанія четко переписывать драму такъ и пропали даромъ: пьеса вернулась обратно и была разорвана авторомъ на мелкіе куски. Отъ нея уцѣлѣла только одна фамилія „Войницкій“, которая воскресла потомъ въ „Дядѣ Ванѣ“.

Изъ другихъ пьесъ М. П. Чеховъ поминаетъ объ очень трогательной пьесѣ „Баринъ“, запрещенной цензурой, и нескромномъ водевилѣ „Бритый секретарь съ пистолетомъ“, исчезнувшемъ неизвѣстно куда. Въ этомъ водевилѣ выведена была редакція журнала съ двухспальной кроватью ¹⁾. Одинъ изъ сотрудниковъ принесъ

вержимыхъ расказовъ въ печать. Судьба была благосклонна къ Александру Чехову въ томъ отношеніи, что позволила ему кончить жизнь безъ явной психической болѣзни, но по границѣ ея онъ скользилъ многіе годы.

Ред.

¹⁾ Не редакція ли „Будильника“ временъ Уткиной? ²⁾ По расказамъ товарищей, работавшихъ тамъ, въ редакціи хотя и не стояло двухспальной кровати, но царилъ простота нравовъ необычайная и страшная невоздержанность на языкъ. *А. Груз.-Лаз.*

²⁾ Врядъ ли Чеховъ при Уткиной еще не работалъ въ „Будильникъ“. Онъ вошелъ въ „Будильникъ“, когда журналомъ владѣло товарищество, съ Курепиннымъ во главѣ. Я—годомъ моложе его по сотрудничеству въ „Буд.“ Кто могъ озорничать въ этой редакціи при Уткиной, недоумѣваю, такъ какъ столпы ея — А. Д. Курепинъ и Н. П. Кичеевъ—были большіе джентльмены, даже до чопорности.

Ред.

для журнала бездарное стихотвореніе. И Антонъ Чеховъ долженъ былъ специально сочинить бездарное стихотвореніе, въ которомъ четыре раза должно было повториться слово „стремглавъ“.

Въ VII классѣ таганрогской гимназіи Чеховъ написалъ большую драму „Безотцовщина“, и смѣшной водевилъ „Не даромъ курица пѣла“ и все это прислалъ родственникамъ въ Москву для прочтенія. М. П. Чеховъ долго берегъ эти произведенія, но, когда Антонъ Павловичъ прїѣхалъ въ Москву поступать въ университетъ, онъ отобралъ ихъ у брата и „Безотцовщину“ разорвалъ, а водевилъ спряталъ. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Продолженіе суворинской „Татьяны Рѣпиной“, напечатанное въ 2—3 экземплярахъ, едва ли можно считать исчезнувшимъ. Навѣрно хоть одинъ экземпляръ его сохранился въ бібліотекѣ Суворина.

II.

Число исчезнувшихъ пьесъ Чехова я могу дополнить еще одной двухъактной пьеской „Гамлетъ, принцъ датскій“, которую Чеховъ началъ писать въ октябрѣ 1887 г. и которую передалъ мнѣ для совмѣстнаго съ нимъ писанія.

Кажется, единственный отголосокъ существованія этой пьески находится въ письмахъ Чехова ко мнѣ, частью уже изданныхъ, а частью неизданныхъ. Одно изъ послѣднихъ я привожу ниже.

Кто-то изъ писавшихъ о Чеховѣ, чуть-ли не А. А. Измайловъ, говоритъ, что „Гамлетъ, принцъ датскій“ представлялъ собою пародію на „Гамлета“.

Это совершенно невѣрно. Никакой пародіи на „Гамлета“ въ пьескѣ не было, и у „Гамлета, принца дат-

скаго", какъ выясняется изъ писемъ Чехова, были совершенно другія задачи.

Впрочемъ, расскажу исторію пьески по порядку.

Въ половинѣ октября 1887 года меня постигло большое личное горе и, взявъ отпускъ отъ директора училища, въ которомъ я занималъ мѣсто преподавателя, я примчался въ Москву на похороны близкаго мнѣ человѣка. Дня черезъ четыре я пошелъ къ Чехову.

— Что съ вами, А. С.?—удивился Чеховъ.—Почему вы въ Москвѣ?

Я сказалъ.

Чеховъ съ нѣжнымъ сочувствіемъ покачалъ головой, и его блѣдное лицо потемнѣло.

— Ахъ, вы бѣдный!

Чехову еще не приходилось терять никого изъ близкихъ. Только два года спустя умеръ его любимый братъ Николай, и Чеховъ писалъ, кажется, Суворину, что это ихъ первая потеря и первыя похороны въ ихъ семьѣ. Но такому тонко чувствующавшему человѣку, конечно, была понятна моя печаль и, когда въ кабинетъ вошелъ одинъ изъ братьевъ Чехова и, весело здороваясь, спросилъ, почему я въ Москвѣ, Чеховъ сказалъ мягко:

— Оставь А. С. У него большое горе.

Чеховъ въ это время увлекался писаніемъ пьесъ, писалъ „Иванова“ и началъ мнѣ рассказывать сюжетъ пьесы.

Въ одно изъ слѣдующихъ моихъ посѣщеній онъ мнѣ передалъ „Гамлета, принца датскаго“.

— Возьмите пьеску съ собою въ К***, А. С.! Я началъ, а заканчивать лѣнь. Я слишкомъ занятъ и утомленъ „Ивановымъ“. Пишите конецъ, обрабатывайте вмѣстѣ.

Я сослался на то, что никогда не писалъ пьесъ и боюсь не оправдать надеждъ, которыя возлагаются на меня, какъ на драматурга.

— Вадоръ, чепуха! Нужно же начинать, батенька. Пьесы это хлѣбъ для нашего брата. Напишите двадцать пьесъ, онѣ дадутъ вамъ цѣлое состояніе!

Я взялъ пьесу; срокъ моего отпуска уже кончился и черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ изъ Москвы. Передъ отъѣздомъ, помнится, я заходилъ къ Чехову проститься, но не засталъ его дома, такъ что упрекъ Чехова по этому поводу едва-ли справедливъ.

Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда я получилъ въ К*** слѣдующее письмо отъ Чехова:

„15 Ноября 1887 г.

Добрѣйшій Александръ Семеновичъ!

Вы, коварный измѣнщикъ, уѣхали, не простившись... Объявляю вамъ за это строжайшій выговоръ съ занесеніемъ въ формулярный списокъ. Если бы вы пришли проститься, то, быть можетъ, надѣюсь, мнѣ удалось бы удержать вашу особу до 19 ноября—число, въ которое идетъ моя пьеса.

Сіе письмо дѣловое.

Суть въ томъ, что г.г. актеры, когда я вкратцѣ разсказалъ имъ содержаніе „Гамлета, принца датскаго“, изъявили горячее желаніе играть его не позже января, т. е. возможно скорѣе. Куй желѣзо, пока горячо. Написано-ли у васъ что-нибудь? Выходить-ли требуемое? Совладали-ли съ сюжетомъ и со сценическими условіями? Какъ бы тамъ ни было, поспѣшайте написать мнѣ подробно, что вами придумано, написано и что имѣется въ проектѣ.

Одновременно пришлите мнѣ и мою рукопись (бандеролью), оставивъ у себя копию. Я суммирую свое съ вашимъ, подумаю и не замедлю сообщить вамъ свои намѣренія и прожекты.

Условія: 1, сплошная путаница; 2, каждая рожа должна быть характеромъ и говорить своимъ языкомъ; 3, отсутствіе длиннотъ; 4, непрерывное движеніе; 5, роли должны быть написаны для Градова, Свѣтлова, Шмитгофа, Киселевскаго, Соловцова, Вязовскаго, Валентинова, Красовской и Бороздиной¹⁾; 6, критика на театральные порядки; безъ критики нашъ водевиль не будетъ имѣть значенія.

Въ ожиданіи скорѣйшаго отвѣта, рекомендую вамъ, м. г., лечь на кровать, взять свой мозгъ въ руки и заняться размышленіемъ; по долгомъ размышленіи вы сидете за столъ и набросаете свой планъ.

Будьте здоровы. Къ 19-му ноября я готовлюсь, какъ къ вѣнцу. Чувствую легкое познабливаніе и убѣжденъ, что во время спектакля меня будетъ трясти болотная лихорадка.

Идутъ репетиціи. Я почти доволенъ, хотя и раздраженъ.

Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ“.

Теперь о пьесѣ.

„Гамлетъ, принцъ датскій“ началъ быть Чеховымъ на четвертушкахъ листа писчей бумаги, сшитыхъ въ тетрадку. Это былъ любимый размѣръ бумаги у Чехова для болѣе или менѣе большихъ вещей. На такихъ же четвертушкахъ была написана „Степь“. Маленькіе рассказы онъ чаще писалъ на долгихъ и узкихъ полоскахъ тонкой писчей или почтовой бумаги. Въ „Гамлетѣ, принцѣ датскомъ“ Чеховымъ былъ написанъ перечень предполагаемыхъ дѣйствующихъ лицъ, къ которымъ я могъ добавить еще нѣсколько лицъ, смотря по желанію, и затѣмъ отъ 200 до 250 строкъ текста.

¹⁾ Артисты московскаго театра Ф. А. Коршъ. Все уже покойники. *Ред.*

Шестымъ „условіемъ“ Чехова: „критика на театральные порядки; безъ критики нашъ водевиль не будетъ имѣть значенія“—ясно опредѣлена предполагавшаяся соль пьески. Вотъ почему артисты театра Корша, когда Чеховъ рассказалъ имъ содержаніе „Гамлета, принца датскаго“, и изъявили горячее желаніе играть его какъ можно скорѣе. Среди критики театральныхъ порядковъ предполагалось коснуться легкости закулисныхъ нравовъ (Офелія должна была походя измѣнять Гамлету) и жестоко пощипать провинціальныхъ антрепренеровъ за кулачество, некультурность и т. п. Взглядъ на нихъ у Чехова былъ самый мрачный.

Дѣйствіе пьески происходило за кулисами провинціального театра во время репетиціи „Гамлета“. Отсюда и названіе—„Гамлетъ, принцъ датскій“.

Первое дѣйствіе начиналось сборами на репетицію. Раньше другихъ являлись два актера, изъ которыхъ одинъ—Тигровъ (фамилія принадлежала Чехову), игравшій тѣнь Гамлета, рассказывалъ о своихъ многолѣтнихъ актерскихъ скитаніяхъ по глухимъ провинціальнымъ городамъ. Въ его очень забавномъ, въ общемъ, рассказѣ была одна чисто чеховская черточка:

— „Придешь, въ „Грандъ-Отель“ остановишься — въ каждой захолустной норѣ или „Европейская“, или „Грандъ-Отель“ есть“...

Первое дѣйствіе должно было закончиться скандаломъ и общимъ кавардакомъ.

Во второмъ дѣйствіи предполагалось дать сцену изъ „Гамлета“.

Подумавъ надъ первымъ дѣйствіемъ, я набросалъ нѣсколько комбинацій и планъ перваго дѣйствія до конца. Непривычка писать для сцены сказалась въ томъ, что, вмѣсто скандала и общаго кавардака, въ первомъ актѣ получилось много діалоговъ, хотя и забавныхъ и

довольно живыхъ. Оставивъ для себя конію, оригиналь „Гамлета, принца датскаго“, вмѣстѣ съ своими набросками, я отправилъ Чехову и сталъ ожидать результатовъ письма.

Чеховъ отвѣтилъ краткой открыткой; признавая мои усилія обработать и закончить первое дѣйствіе не безнадежными, онъ обѣщалъ послѣ постановки „Иванова“ прислать болѣе подробное письмо съ отмѣткой допущенныхъ мной ошибокъ.

27 ноября я получилъ это письмо. Оно появляется въ печати впервые.

„26 ноября 1887 года.

Простите, милѣйшій надворный совѣтникъ, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ. Въ головѣ такое умопомраченіе и приходится писать столько писемъ, что я опалѣлъ.

О пьесѣ ¹⁾. Имѣла успѣхъ. Подробностей такъ много, что приходится отложить сообщеніе ихъ до свиданія. Второе представленіе прошло лучше перваго, и меня опять вызывали послѣ III и IV актовъ.

Теперь о „Гамлетѣ“.

1) У васъ въ 1-мъ дѣйствіи „Гамлета“ слишкомъ много діалоговъ, которые не имѣютъ органической связи. Діалоги немыслимы. Нужно, чтобы съ каждымъ явленіемъ число лицъ росло по прогрессіи ²⁾:

.
.
.
.

¹⁾ „Ивановъ“.

²⁾ Чеховъ нерѣдко украшалъ свои письма различными чертежами.

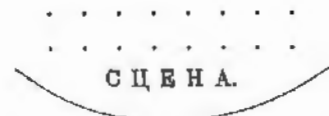
Громоздя эпизоды и лица, связывая ихъ, вы достигнете того, что сцена въ продолженіе всего дѣйствія будетъ полна и шумна.

2) Вы забываете, что Тигровы и К^о все время чувствуютъ на себѣ глаза публики. Стало быть, немислимъ допросъ, производимый Гамлетомъ у Офеліи. Тутъ довольно одной вспышки и шума. Гамлетъ возмущенъ, но въ то же время маскируетъ свое несчастье.

3) Представитель печати можетъ говорить только изъ оркестра. Онъ говоритъ коротко и солидно. Типъ Бѣлянкина ¹⁾.

4) Во 2-мъ дѣйствіи необходимо дать сцену изъ „Гамлета“.

Въ 1-мъ дѣйствіи сцена находится по отношенію къ публикѣ въ такомъ видѣ:

Во 2-мъ дѣйствіи не слѣдуетъ переставлять ее такъ:

5) Конецъ 1-го дѣйствія требуетъ передѣлки. Нельзя такъ оканчивать. Въ интересахъ 2-го дѣйствія вы должны окончить примиреніемъ партій. Въдѣ во 2-мъ дѣйствіи Тигровъ играетъ тѣнь Гамлета!

¹⁾ Лавръ Лавровичъ Бѣлянкинъ, Мафусаилъ среди русскихъ карикатуристовъ, кажется, живъ до сихъ поръ. Я встрѣчалъ его въ Москвѣ года 1¹/₂—2 назадъ. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ-рисовальщикомъ „Развлеченіа“, издававшегося Ѳ. В. Миллеромъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ работалъ у А. В. Насонова, къ которому и „Развлеченіе“ перешло отъ Миллера. Насоновымъ журналъ былъ про-

6) Кстати: роль Тигрова для Градова ¹⁾).

7) Судя по вашему конспекту, вы будете далеко не коротки. Не забывайте, что половина времени пройдет у актеров на бѣготню.

8) Я боюсь, что надоѣлъ вамъ и что вы браните меня свиньею въ ермолкѣ. Но утѣшаюсь мыслью, что возня съ водевилемъ полезна для васъ: набьете руку.

Послѣ пьесы я такъ утомился, что потерялъ способность здраво мыслить и дѣльно говорить.

Не взыщите.

Моя пьеса поѣхала въ Питеръ.

Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ“.

На первомъ и второмъ спектаклѣ „Ивановъ“ имѣлъ успѣхъ, но затѣмъ почему-то пьеса не сдѣлала сборовъ, и Коршъ снялъ ее съ репертуара послѣ четвертаго представленія, хотя обѣщавъ Чехову, что „Ивановъ“ пройдетъ въ его театрѣ не менѣе десяти разъ. Это огорчило Чехова и нѣсколько охладило его симпатіи къ коршевской труппѣ, хотя, напр., Давыдовъ еще и до перваго представленія предсказывалъ Чехову неуспѣхъ. См. письмо о томъ Антона Павловича къ Н. А. Лейкину.

данъ какому-то лѣсопромышленнику Щербову. Редактированіе журнала было поручено Петру Кичееву и затѣмъ Л. Л. Вѣлянкину. Послѣдній редактировалъ его, кажется, только нѣсколько мѣсяцевъ...

Чеховъ очень забавно умѣлъ представлять Л. Л. Вѣлянкина, едва-ли не самаго свирѣпаго изъ всѣхъ свирѣпыхъ московскихъ журналистовъ. Словами „типъ Вѣлянкина“ онъ рисовалъ мнѣ совершенно ясный и законченный типъ.

А. С. Груз.-Лаз

На дняхъ В. М. Дорошевичъ воскресилъ образъ Вѣлянкина въ одномъ изъ своихъ остроумныхъ фельетонныхъ о „Старой Москвѣ“.

Ред.

¹⁾ Л. И. Градовъ-Соколовъ, замѣчательный актеръ 70—80 гг. Послѣдній комикъ-буффъ русской сцены.

Ред.

Охлажденіе къ коршевской труппѣ вызвало у Чехова временное охлажденіе и къ писанію пьесъ, въ частности, къ писанію „Гамлета, принца датскаго“. Вѣдь онъ былъ предназначенъ какъ разъ для коршевской труппы, и даже роли писались специально для актеровъ театра Корша.

Хорошо зная эти обстоятельства, я, по приѣздѣ въ Москву на Рождество, не поднималъ у Чехова разговора о „Гамлетѣ, принцѣ датскомъ“ и не знаю, какая судьба постигла забавную пьеску.

Въ моихъ бумагахъ я не могъ отыскать копій, снятой мною съ вступленія, написаннаго Чеховымъ.

Но эта копія, вѣроятно, цѣла, и я не теряю надежды ее найти.

А. Грузинскій-Лазаревъ.

Москва.
Декабря 1913 г.

